

Степан Лобозеров

КОММЕРСАНТЫ

ТРАГИКОМЕДИЯ В ДВУХ ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ВАСЕК

НИКОЛАЙ

ТОНЯ

ФЕДОР КУЗЬМИЧ

КЕША

МУЖЧИНА

Действие первое

Картина первая

Репетиционная комната сельского клуба. Обстановка обычная для таких заведений: на стенках старые плакаты, обшарпанная мебель, сломанная аппаратура и т.д.

ВАСЕК – низенький, невзрачный, но очень живой парень – пытается извлечь из баяна какую-то немудреную мелодию. Она ему никак не дается, каждый раз через несколько тактов обрывается, но он начинает ее снова и снова. Молча входит крупный угрюмый парень – НИКОЛАЙ.

НИКОЛАЙ. А Тонька где?

ВАСЕК (*оставляет баян*). В школу побежала. Да, еще Кузьмича зачем-то спрашивала.

(Начинает сосредоточенно расхаживать по комнате. Неподвижного состояния его тело похоже не знает. Николай берет баян и тоже начинает «пилить».)

ВАСЕК. Да брось ты его!

НИКОЛАЙ. А тебе что?

ВАСЕК. Обдумать мне надо. Колян, обдумать. Воля-то воля, но что-то и делать надо. Есть у меня одна мысляга, но вот как сделать, чтоб все по уму было? Как думаешь, стоит попробовать?

НИКОЛАЙ. Чего?

ВАСЕК. Чего, чего, баян говорю брось, не порти. Ему как лучшему другу доверяешь, а он...

НИКОЛАЙ. Я тебе что, мешаю?

ВАСЕК (*вдруг остановился пораженный какой-то идеей.*) Слушай, а ты зачем за Тонькой бегаешь?

НИКОЛАЙ. Чего?

ВАСЕК. Ты мне брось! Кто не знает-то? Все видят!

НИКОЛАЙ. Чего видят?

ВАСЕК. А того. Зачем ты сюда каждый день ходишь?

НИКОЛАЙ. А ты зачем?

ВАСЕК. Нет, ты мне скажи, зачем ходишь? Думаешь, никто не видит, как ты на нее секешь? Все видят, Колян, все. Такое не скроешь! Ну, чего вылупился? О, и сказать нечего. Да ладно, ладно, кто об этом не знает-то. Это уж просто народ молчит, никому дела нет, а я как твой лучший друг... Слушай, Колян, а ты... Ну, вот возьми и скажи ей прямо.

НИКОЛАЙ. Чего сказать?

ВАСЕК. Возьми и скажи. А то я не знаю: ходить, ходить, смотреть, смотреть и... Ну вот сегодня же, счас же возьми и скажи.

НИКОЛАЙ. Чего говорить-то?

ВАСЕК. Чего... Известно, чего. Что все говорят? Скажи, что женишься, пить, скажи, брошу. Да ты и так мало пьешь и, главное – увези ее отсюда, увези! Дай мне такой шанс. Я б может через это человеком стал.

НИКОЛАЙ. Куда увозить-то?

ВАСЕК. С тобой говорить что с ментом. Эх, был бы я... Я б сам на ней подженился – деваха что надо. А куда мне? Папаши, мамы там разные. А, скажут, так у него срок был! А ты чистенький, даже ни одного привода, тебе и карты в руки. Да, я б на твоём месте...

НИКОЛАЙ. А кто видел?

ВАСЕК. Кто?

НИКОЛАЙ. Да что я... На Тоньку смотрел?

ВАСЕК. Э-э! Видел! Не пойдет она за тебя. Паспорт-то, паспортом, скажет, но надо, чтоб еще и шарабан варил.

НИКОЛАЙ (*угрожающе поднимается*). Чего-о?

ВАСЕК. Да ладно, ладно. Колян, замнем. Если уж мы с тобой начнем, то кому ж тогда и верить. Понимаешь, увез бы ты ее, а кого тогда

завклубом поставить? Некого, кроме меня. И кучеряво шпан зажил! Да, мы б здесь с тобой такие дела провернули!

НИКОЛАЙ. Как провернули-то, если сам же говоришь – вези?

ВАСЕК. Ну и что?

НИКОЛАЙ. Так если я увезу, как я тогда... как бы мы тогда... Да пошел ты!

ВАСЕК. Ну и что? Увез, а потом вернулся? В этом что ли дело?

НИКОЛАЙ. Я вернулся, а она как?

ВАСЕК. А при чем тут она? Ее уже здесь не будет. А мне только б зацепиться. Понимаешь. Колян, пахать я согласный сутками, но только чтоб никто над душой не стоял. А то там вот так уже сытый – «шаг влево, шаг вправо» и здесь опять каждую минуту будут. А мне надо чтоб уж воля так воля, чтоб самому мозгой пошурупить. День и ночь бы сидел в клубе и чего-нибудь такого б придумал, что народ бы только плечами поводит. Я-то теперь знаю, что почем. Это шпана разная, которые ничего не видели, я не я, блатуют на улице, а туда попадут – мама, папа, простите граждане – поймут, куда попали да поздно. А я-то теперь это все вот так знаю и чего-нибудь такого б придумал, чтоб они с дрожью посмотрели да подумали прежде, чем туда залетать. Я б их научил свободу любить!

НИКОЛАЙ (*глядя в окно*). Вон, Кузьмич бежит. Тонька его, говоришь, зачем-то искала, а он сам сюда бежит.

ВАСЕК. Кто, Кузьмич? Все, Колян, замолкни. Как у меня видуха, ничего?

НИКОЛАЙ. Вроде незаметно.

ВАСЕК. Чего незаметно? Да я грамма в рот не брал! Незаметно ему.

НИКОЛАЙ (*живая на окно*). А он тебе чего?

ВАСЕК. Кто на завклуба-то должность определять будет, секаешь? Вот и надо мне с ним контакт заиметь. Эх, костюмчик бы счас с галстучком!

(Входит Федор Кузьмич. Васек весь подбирается, изо всех сил стараясь произвести на Федора Кузьмича впечатление.)

ФЕДОР КУЗЬМИЧ. Антонина где?

ВАСЕК. Вышла, Федор Кузьмич. *(Делая что-то вроде полупоклона.)*

С добрым вас вечером!

ФЕДОР КУЗЬМИЧ *(внимательно разглядывая Ваську).* Куда вышла?

ВАСЕК *(еще шире улыбаясь.)* По своим делам, Федор Кузьмич!

ФЕДОР КУЗЬМИЧ *(пытается понять то ли ужимки Васьки – отпечаток «срока», то ли явная издевка.)* По каким делам?

ВАСЕК. По личным, Федор Кузьмич!

ФЕДОР КУЗЬМИЧ. Ты мне не попугайничай, а отвечай по-человечески. По каким личным, куда? На двор, в туалет или еще дальше?

ВАСЕК. Что вы, как можно, Федор Кузьмич!

ФЕДОР КУЗЬМИЧ. Чего можно? Куда можно? Набрался там, понимаешь блатных выраженьцев.

НИКОЛАЙ. В школу она пошла и вас зачем-то искала.

ФЕДОР КУЗЬМИЧ. А чего меня искать? Я что, в бегах скрываюсь?

ВАСЕК. Что вы, Федор Кузьмич, весь народ только и говорит...

ФЕДОР КУЗЬМИЧ *(перебивает).* Чего говорит? Кому говорит? Ты мне народ сюда не путай. Своих сначала вырасти, а потом и осуждай. Народ... Людям лишь бы на язык попало.

ВАСЕК. Да, я ничего и не думал.

ФЕДОР КУЗЬМИЧ. А ты думай в другой раз, прежде чем распространяться. Народ тебе пока слова не давал. Чего тут делаете?

ВАСЕК. Цыпленку ясно, Федор Кузьмич – репетируем.

ФЕДОР КУЗЬМИЧ. Ты мне тут брось, свои штучки показывать. Цыпленку... Может, цыпленку твоему и ясно, а мне не ясно, понятно? Ценности лежат?

ВАСЕК. Какие ценности?

ФЕДОР КУЗЬМИЧ. Материальные. Подозрительные сидят? Дверь открытая, а завклубом где?

НИКОЛАЙ. Мы что ль подозрительные?

ФЕДОР КУЗЬМИЧ. А кто, я что ль? Так я по тюрьмам не околачивался, растишь вас растишь! (*Ваську.*) Когда на работу выйдешь?

ВАСЕК. Скоро, Федор Кузьмич.

ФЕДОР КУЗЬМИЧ. Скоро... Знаю я вашу «скоро». Этот хоть после армии, положено, а ты когда выйдешь? Пока не пропьешь, что нагребил?

ВАСЕК. Чего? Кто грабил-то?

ФЕДОР КУЗЬМИЧ. Я грабил. За что ж тогда тебя упекли? Учиться он поехал, на экскаваторщика – выучился, все тюрьмы прошел.

ВАСЕК. Никого я не грабил.

ФЕДОР КУЗЬМИЧ. Ага, за здорово живешь, сидел.

ВАСЕК. Драка в общаге была, а одного подрезали, вот всех и раскрутили. Грабил...

ФЕДОР КУЗЬМИЧ. А я откуда знаю, что там у вас вышло? Может ты и поранул тем ножиком?

ВАСЕК. Да, чего вы... Вон съездите да почитайте, дело-то осталось.

ФЕДОР КУЗЬМИЧ. Ага, мне только еще этого не хватало – ездить дела ваши тюремные подчитывать. Куда работать пойдешь?

ВАСЕК. Сюда.

ФЕДОР КУЗЬМИЧ. Куда «сюда»?

ВАСЕК. В клуб, кочегаром или как там – истопником.

ФЕДОР КУЗЬМИЧ. О, вы поглядите на него – выучился. Сразу видно, что выучился. На нем пахать можно, а он – кочегаром.

ВАСЕК. А это, между прочим, законом не воспрещается: куда хошь, туда и иди. И вы, гражданин председатель, меня моей профессией не корите.

ФЕДОР КУЗЬМИЧ. Что? Ты мне тут свою блатную гегемонию не разводи. Тут тебе нет гражданов. Ишь, будет мне еще! Ты мне население не мути, а собирайся да и кати к своим гражданам.

ВАСЕК. А чего вы? У нас все работы почетные. Я честно оттянул свой срок и теперь могу хоть куда как полноправный. Я тоже законы знаю.

ФЕДОР КУЗЬМИЧ. Во-во, законы-то вы знаете, чего-чего, а это им подай! Кочегаром он пойдет. Ты, вон, еще завклубом пойдешь, совсем почетно будет.

ВАСЕК. Интересно!

НИКОЛАЙ. В клубе нельзя что ли работать?

ФЕДОР КУЗЬМИЧ. Можно! Работать можно. Так это бабам, девкам, женщинам то есть. А вам, здоровым бугаям... Я, вон в ваши годы...

ВАСЕК. И что? Чего там?

ФЕДОР КУЗЬМИЧ. А все там. Все что надо написано! И ты меня газетами не застращаешь. Ишь, нашелся! Не успел выйти и за газеты. Но мы еще разберемся, кто какие газетки почитывает.

ВАСЕК. Да, чего разбираться-то, если я их сроду в руки не брал?

(Молча смотрят друг на друга.)

ФЕДОР КУЗЬМИЧ. Ишь ты, еще и глядеть он будет. Заявился, невесть откуда, споил весь народ, а теперь еще на меня же и уставился.

ВАСЕК. Кого я поил?

ФЕДОР КУЗЬМИЧ *(Николаю.)* Антонина придет, скажи, чтоб не уходила, попозже зайду. Еще и глядеть он на меня будет, сопленьшь.

(Федор Кузьмич, хлопнул дверью, выходит. Васек какое-то время стоит неподвижно, затем садится в углу на корточки и затихает.)

НИКОЛАЙ. Чего ты?

ВАСЕК. Все, Колюха, не будет мне теперь прощения. Никому теперь не докажешь, что ты не верблюд. С чего вот он на меня наскочил?

НИКОЛАЙ. Он теперь думает, что ты всему народу рассказываешь, как он врезался.

ВАСЕК. Куда врезался? Кто?

НИКОЛАЙ. В дом врезался, пьяный на машине. Петька ихний. Весь угол выворотил. А он наверно думает, что это ты его напоил.

ВАСЕК. А ты чего молчал, друг называется?

НИКОЛАЙ. Я откуда знал? Ты меня не спрашивал, думал, тоже знаешь. Врезался-то он в обед еще.

ВАСЕК (*вскочил и снова забегал.*) Вот, чо ж говорил. Точно! Теперь чуть что – все на меня. Но ничего, так просто они меня не подловят. Они борзеть, а мы им мерси с улыбочкой, они глоткой, а мы им шепотом. Так просто теперь они меня туда не затолкают. Только б зацепиться здесь хоть за что-нибудь. Эх, Колян, не знаешь ты еще жизни, не была она еще тебя по черепку бестолковому. Залезешь вечером куда-нибудь под койку и даже там плакать боишься, чтоб не заметили. Слезы только сами бегут, бегут потихоньку. Вот поэтому-то ты и должен Тоньку увезти отсюда. Увезешь – все равно завклубом, кроме меня, некого. А я потом разобьюсь, ночей спать не буду, но человеком стану. Сделаешь это, чтоб жизнь мою поддержать?

НИКОЛАЙ. Чего мне поддерживать, я б сам, а она?

ВАСЕК. Что она? Ну, что она? Она – женщина, а что им требуется?

НИКОЛАЙ. Разберешь их, чего им требуется!

ВАСЕК. Да мужика им надо, чтоб замуж, и все такое. А мужики где? Сколько мужских колоний, посчитай-ка? А женских сколько? Даже половины не будет! Вот они и расплодились на воле. А мужиков нету. А ты ходишь, ходишь... Да я б на твоём месте! Вот сегодня, прямо сейчас же и скажи ей все по-честному.

НИКОЛАЙ. Я-то против что ли? Я с все по закону – расписаться там или еще чего, я б сразу, а она?

ВАСЕК. Только что ему объяснил, а он снова! И потом, ни алиментов у тебя, ни судимости, это-то она должна понять?! В крайнем случае ты ей скажи, Антонина Петровна, мы вот тут с Васькой все честно подсчитали, прикинули и выходит, что, кроме меня, вам ничего не светит. А я, кричи, все по-честному, по-серьезному. И куда она после этого денется? А то что она курит, так ничего, потом прижмешь. Побаловалась, скажешь, и хватит. Ты, мол, не где-то там как шалашовки разные, а на воле и давай вести себя соответственно. Эх, Колюха, сам ты не понимаешь своего счастья! У меня-

то, если честно – вообще никого не было. В общаге раз приводил одну. Поговорили даже, интересно так. На завтра тоже стою, жду ее. А подружки меня увидели, засмеялись, и она отвернулась сразу, аж покраснела. И все. А еще раз одна пьяная совсем была в комнате и раздетая. Парни звали, а я убежал почему-то. А ты с Тонькой не можешь. Да я бы на твоём месте...

Входит Тоня.

ТОНЯ. И все что ли?

ВАСЕК. Все, Тонечка. Мы как всегда, а про остальных не знаем. И между прочим, Тонь, вот Колян тебе сказать хочет. *(Николаю.)* Давай!

НИКОЛАЙ. Чего ты?

ВАСЕК. Давай, говори.

НИКОЛАЙ. Чего ты ко мне...

ВАСЕК. Ты же сам сейчас... Договорились же?

ТОНЯ. Подожди, Вас, Кузьмич не заходил? Сказали, он зачем-то искал меня?

ВАСЕК. Заходил, начал тут... Вообще заходил...

НИКОЛАЙ *(Тоне)*. Он про тебя спрашивал.

ТОНЯ. Что сказал?

НИКОЛАЙ. Сказал, еще зайдет.

ТОНЯ. Ясненько. Опять возникать будет.

НИКОЛАЙ. И сказали, чтоб репетировали.

ТОНЯ. Чтоб репетировали?

НИКОЛАЙ. Не знаю, чтоб репетировали сказал.

ТОНЯ. Зайдет... Давно не виделись! Начнет тут опять... *(Закуривает.)* Тогда так, мальчики. Давайте хоть одну сцену пройдем, чтоб если зайдет – мы работаем. С теми кто есть. А за остальными пусть сам побегает.

НИКОЛАЙ. Давайте!

ВАСЕК. О, и у Коляна как раз желание порепетировать. *(Николаю.)* Правильно. Сейчас мы тихонько, без кипеша.

ТОНЯ (отдает листки сценария). Вот с этого начнем. Вот твой текст, Вася, а вот твой. Давайте, выходим и начали. (В продолжении репетиции Васек всячески подталкивает Николая к решительному объяснению).

ВАСЕК (Выходит с листком, становится в позу, делает все с большим старанием и серьезностью. В интонациях проскальзывает бластной надрыв.)

Мы вашей встрече очень рады
Настал свиданья с вами срок
Имеет слово, агитбригада...

ТОНЯ. Коля, дальше твои слова, что ты? Еще раз, Вася.

ВАСЕК. Тонечка, а, может, не надо?

ТОНЯ. Что?

ВАСЕК. Да вот эти: «срок», «свиданка»... В зоне надоело.

ТОНЯ. А при чем тут... Закидончики у тебя! При чем тут какая-то зона?

ВАСЕК. Не так поймут.

ТОНЯ. Да что здесь понимать? Это же вступление, приветствие. Давай еще раз.

ВАСЕК.

Мы вашей встрече очень рады
Настал свиданья с вами срок
Имеет слово, агитбригада...

НИКОЛАЙ (в пол). Агитбригада «Веселый вездеход».

ТОНЯ. Ничего себе веселый – обхохочешься! Ну само название – веселый! Понимаешь – веселый! Ты б хоть улыбнулся для хохмя.

ВАСЕК (Николаю со значением). Да улыбнись же, бугай, и начинай сразу.

ТОНЯ. Еще раз.

ВАСЕК. Мы вашей встрече...

ТОНЯ (*перебивает*). Тебе не надо. С его слов. Начали.

НИКОЛАЙ. Агитбригада... кгм... веселый... кгм... Не получится у меня.

ВАСЕК. Да что «не получится», ты же еще не начинал. Веселый... Баран такой веселый бывает, когда с него шерсть снимут. Про все договорились, а он...

ТОНЯ. Хорошо, давай без улыбки, только чтоб погромче и поотчетливей. Начали.

НИКОЛАЙ. Говорю же - не получится.

ВАСЕК. Сачок, в придурки записался!

ТОНЯ. Давайте еще раз, мальчики. Он же придет сейчас. Коля, только поживей, пораскованней можешь? А то напрягся весь куда-то – тоскуха получается.

ВАСЕК. Видишь, даже сама намекает, а он... Начинай, или я сам скажу.

НИКОЛАЙ. Чего ты ко мне...? Сам и говори, если надо...

ВАСЕК. Хорошо, я тут разводить не буду. Тонечка, этот...

НИКОЛАЙ (*схватив Васька и прижимая его в дальний от Антонины угол*). Чего ты тут начинаешь? Ты репетируй, раз пришел, а не начинай тут.

ВАСЕК. Что? А зачем же тогда сам только что...

НИКОЛАЙ (*Так зажимая Васька, что тот уже хрипит*). Репетируй раз пришел, а не начинай тут. Выискался, просят его...

ВАСЕК (*Извиваясь в объятиях Николая*). Вот га-ад!

ТОНЯ (*Докурив, наконец, сигарету и выйдя из задумчивости*). Ну, что у вас опять?

НИКОЛАЙ (*Отходит*). Репетировать надо, а он... Ты его вообще не слушай, благату несчастную. Нахватался там, а теперь куда не просят лезет.

ВАСЕК. Ну, га-ад!

ТОНЯ. Хорошо, еще одну сцену попробуем. Когда он сказал зайдет-то?

НИКОЛАЙ. Сказал – непременно зайду. И чтоб репетировали.

ТОНЯ (*листает сценарий*). Вот это место. Ты, Вась, будешь выбегать за ведущего, а ты будешь к нему подбегать за всех участников. Вот текст (*отдает им листки*). Начали. Выбегай, Вася, а ты подбегай.

(*Васек выбегает.*)

Ну, Коля, подбегай к нему, ты же за всех участников. И становись полукругом. И текст, текст давай.

НИКОЛАЙ (*подбежав к Ваську читает по бумажке*). Что случилось, зачем звал?

ВАСЕК (*с презрением отвернувшись от Николая, читает*). Ребята, к нам в район приехал корреспондент. Из университета.

ТОНЯ. Да нет там таких слов. Просто корреспондент.

ВАСЕК. А так красивее, Тонечка.

ТОНЯ. Не надо. Говори только по тексту. Начали.

НИКОЛАЙ (*читает*). Что случилось, зачем звал?

ВАСЕК. Ребята! К нам в район приехал корреспондент из...

ТОНЯ. Все, все, просто корреспондент. Дальше.

НИКОЛАЙ. А чего мне говорить?

ТОНЯ. Читай по тексту. Видишь: «Все участники говорят – ах!» Ты же сейчас за всех участников. Как только Вася скажет свои слова, ты говори – ах. Начали.

ВАСЕК. Ребята! К нам в район приехал корреспондент из...

ТОНЯ. Да нет там никакого «из» - просто корреспондент. Еще раз.

ВАСЕК. Ребята! К нам из университета приехал просто корреспондент!

ТОНЯ. Ну, ахай же, ахай, Коля!

НИКОЛАЙ. Ах.

ТОНЯ. Ну кто так ахает? Ну что вы вообще, я не знаю...

ВАСЕК (*презрительно обходит вокруг Николая*). Колхозник! «Репетировать, репетировать...» орал, а сам даже ахнуть не может. Про все договорились, а он... Кент называется. Тонечка, а нельзя тут какую-нибудь должность, ну хотя бы заместителя?

ТОНЯ. Какого заместителя?

ВАСЕК. Ну вот ты, например, завклубом и чтобы у тебя заместитель был. (*Кивает на Николая*.) От этого все равно ничего не дождешься, а заместитель он мог бы все делать. Ты бы только репетировала, а народ там собрать, стулья отремонтировать – это бы все он, заместитель делал.

(*Входит Федор Кузьмич*).

ФЕДОР КУЗЬМИЧ. Репетируем? Молодцы, хорошее дело. Да и ребята хорошие. Васек, вон, правда, поднатворил маленько, так с кем не бывает! Как говорится от суммы да... А репетировать – лучшее дело. Я сам, бывало, зайдешь, порепетируешь и иди себе дальше, куда душа просит. Общественная жизнь, если только ее правильно поставить, - везде зачтется. А в наше время особенно. Вы, ребята, пока выйдите, подождите там. Переговорим, а потом хоть до утра репетируйте. Как, Антонина?

ТОНЯ. Я что. Только о чем говорить – никто не ходит.

ФЕДОР КУЗЬМИЧ. Давайте, ребята.

(*Николай с Васькой выходят*).

Ребята хорошие, ничего не скажешь. Другие пить, а эти сюда, репетировать. Вот с этой пьянки-то все и начинается. Слышали уже небось?

ТОНЯ. Что?

ФЕДОР КУЗЬМИЧ. Про сыночка моего?

ТОНЯ. Это на машине, авария? Слышала. Он ничего, не поранился?

ФЕДОР КУЗЬМИЧ. Черта с ними пьяницами сделается! Хотя чего я напрасно-то, пьет он не так уж чтоб. Теперь тут все в дом уперлось.

ТОНЯ. В какой дом?

ФЕДОР КУЗЬМИЧ. Да и дом-то одно название. Он бы и без машины может через год развалиться, так нет, требуют, чтоб новый поставили. А это

посчитай-ка во сколько сейчас новый обойдется. Это ж ни мне до конца жизни, ни Петьке потом не расплатиться. А иначе в суд подать грозятся.

ТОНЯ. А чего это они борзеют раз дом старенький был?

ФЕДОР КУЗЬМИЧ. Так вот поди, докажи теперь. А если до суда дойдет?

ТОНЯ. Ну может быть не дойдет. Что уж они, совсем что ли?

ФЕДОР КУЗЬМИЧ. Так «может быть»... У них одно слово – если новый не поставите – в суд. А мне потом каково? Ведь и меня-то тогда затаскают на старости лет. Да еще по партийной линии. Какой же ты, скажут, коммунист-председатель, если собственного сына не мог воспитать? А какой с меня председатель – пять классов с коридорами. Уж как тянулся, как старался, чтоб этот последний год добить до пенсии, так нет, сыночек выходит еще больше постарался. Ну, да ладно, теперь не переделаешь. Ты-то как?

ТОНЯ. Не ходит никто, Федор Кузьмич, кому теперь агитбригада нужна?

ФЕДОР КУЗЬМИЧ. Нужна, не нужна, а надо раз работа такая. Ну, а живешь как, все у Нефедихи? Скучно что ли, квелая-то?

ТОНЯ. Так, ничего. *(Помолчав.)* Ночью только... Бабка толи молится, то ли во сне бормочет, часы тикают, и тоска такая. А на улицу выйдешь – тихо, до тошноты. У бабки ведь даже телевизора нет.

ФЕДОР КУЗЬМИЧ. А сама чего не возьмешь?

ТОНЯ. А где они? Да и все равно временно здесь. Таскаться потом с ним.

ФЕДОР КУЗЬМИЧ. Временно... Все у нас нынче, за что не возмись – временно. Тюрьма вот только постоянная. Я ведь что зашел-то? Я ведь к тебе за этим и зашел.

ТОНЯ. Зачем «за этим»?

ФЕДОР КУЗЬМИЧ. Да насчет суда-то.

ТОНЯ. Так вы же сказали...

ФЕДОР КУЗЬМИЧ. А кто ее знает как обернется? Кричат – в суд, и ни копейки меньше. Черт ее теперь угадает как обернется. Может, они дом-то серебряный какой потребуют? А где взять?

ТОНЯ. Ну, это им так просто не...

ФЕДОР КУЗЬМИЧ (*перебивает*). Чего тут теперь гадать? Говорю же – неизвестно еще как обернется. Вот пришел к тебе.

ТОНЯ. А что я?

ФЕДОР КУЗЬМИЧ. Так справку, справочку такую надо. Может и не пригодится и не дай бог чтоб пригодилась, а как от этого заречешься?

ТОНЯ. А какую справку?

ФЕДОР КУЗЬМИЧ. Ну, про Петьку-то. Про моего Петьку. Чтоб, значит, если уж до этого дело дойдет, так чтоб хоть документы-то в порядке были.

ТОНЯ. Извините, Федор Кузьмич, я так и не поняла до конца. Какие документы?

ФЕДОР КУЗЬМИЧ. Справку! Про Петьку, что он общественную жизнь вел. Ну, что будто в самодеятельности-то репетировал. Да знаю, знаю, что не ходил. Уж сколько раз сам ему говорил. Петька, говорю, сходи ты хоть раз в клуб, остолоп. Потолкаешься там, на людей поглядишь, порепетируешь. Так им разве... Дома крушить – это они с полным удовольствием, это они тут как тут, а чтоб когда пойти порепетировать – это не жди, этого от них не добьешься. А там, думаешь, как на суде-то бывает? Там первым делом характеристика. Если с умом сделанная – считай, что полбеды свалил. А второе – общественная жизнь, вел ты ее или не вел. Если не вел, ты уже и элемент всякий, а хоть раз сходил на репетицию – тут уж хошь не хошь, а вроде бы каким-то боком и свой человек. Там ведь в суде-то не какие-нибудь сидят, там тоже народ сплошь общественный. Я уж и со школы справку взял. Так как, выручишь?

ТОНЯ. Мне что, я конечно.

ФЕДОР КУЗЬМИЧ. Вот и договорились. Напишешь, а уж остальное мое дело.

ТОНЯ. Я сейчас.

ФЕДОР КУЗЬМИЧ. Э, а вот торопиться в таком деле не надо. Дома, спокойно, и выступал, где припомнишь и даже стишок какой рассказывал. А я завтра забегу.

ТОНЯ. Зачем, Федор Кузьмич, я сама вам занесу.

ФЕДОР КУЗЬМИЧ. Тогда и совсем хорошо. Было бы. Если б он на этот растреклятый дом не наехал. Так бы и изничтожил всех этих пьяниц да алкоголиков. Так даже телевизора, говоришь, нет? Вот эта временная-то жизнь и доводит. К примеру, была б у него жена какая. Зачем бы тогда ему, спрашивается, на дом наезжать? А вот от временного-то все и идет, от временного-то и не знаешь, по какому уху получишь. А замуж не пробовала?

ТОНЯ. Я? Да нет как-то.

ФЕДОР КУЗЬМИЧ. А чего? Что ты косая, кривая какая? Да, еще с образованием.

ТОНЯ. Не в этом дело.

ФЕДОР КУЗЬМИЧ. А в чем? В чем тут дело-то? Вот от этого, что без мужика-то, и идет временное житье. Может, жених хоть какой имеется?

ТОНЯ. Я не пойму, зачем это, Федор Кузьмич?

ФЕДОР КУЗЬМИЧ. Как это зачем? Ты мне доброе дело сделала, а я отплатить не должен что ли, я по твоему зверь какой?

ТОНЯ. Я не говорю так.

ФЕДОР КУЗЬМИЧ. А надо было. Давно надо было сказать. Меня-то старика чего стесняться? Раз не выходит по личному там, не научилась еще, подошла б да и сказала: так и так, мол, посоветуйте.

ТОНЯ. Да зачем?

ФЕДОР КУЗЬМИЧ. Что зачем, жених что ли?

ТОНЯ. Да вообще, говорить. Это же мое, личное.

ФЕДОР КУЗЬМИЧ. Личное... Вот и останешься потом сама со своим личным. Словом, ничего, как я погляжу, у тебя нету – ни жениха, ни телевизора. Так и просидишь тут. А вам время упускать никак нельзя.

ТОНЯ. Кому это «нам»?

ФЕДОР КУЗЬМИЧ. Ну, вообще, вашему брату. Или сестре, как уж там лучше сказать. Н-да! Одни дома крушат, а другие... А к нашим ребятам не приглядывалась?

ТОНЯ. К кому? Зачем? Федор Кузьмич, я вообще...

ФЕДОР КУЗЬМИЧ (*перебивает*). Ты вообще помолчи пока. Раз сама не можешь сделать, устроиться, так помолчи. Я за свою работу и не такие дела проворачивал. (*Кричит в дверь.*) А ну-ка, орлы, где вы там, зайдите, покажитесь-ка. «Орлы» молча заходят. Я б и Петьку своего не пожалел, так бегают он уже с какой-то, ухажериться. Ну, Васек, тебе, конечно не совсем. Ему сначала оглядеться надо, искупить, как говориться, а вот Николай-то как?

ТОНЯ. Федор Кузьмич, ну что вы, прямо, смеетесь что ли?

ФЕДОР КУЗЬМИЧ. Ага, мне сейчас только и осталось что смеяться. Да и тебе в пору хохотать по ночам вместе с твоей бабкой. (*Николаю.*) Ты же однако не был женатым? Ну, алиментов там, ребятишек на стороне не имеется?

НИКОЛАЙ. У кого?

ФЕДОР КУЗЬМИЧ. Да у тебя, у тебя?

НИКОЛАЙ. Каких ребятишек?

ФЕДОР КУЗЬМИЧ (*Тоне.*) Видишь? Как стеклышко!

ТОНЯ. Федор Кузьмич, я вам серьезно... Вы или издеваетесь надо мной или... Меру-то какую-то... Что я вам... (*Отворачивается, пряча слезы. Длинная пауза.*)

ФЕДОР КУЗЬМИЧ. Та-ак! Значит, ты к человеку со своей... Ты значит, ему семью крепкую хочешь, мужика какого ни есть стараешься, а на тебя за это волком?

ТОНЯ. Кто вас просил... Чтобы так перед всеми...

ВАСЕК (*Поняв, наконец, о чем речь, кидается к Кузьмичу*). Федор Кузьмич, да он согласный, он вообще согласный еще раньше был. Тонечка, ты не стесняйся, он просто от волнения. А так он мне еще утром сам про это говорил, только сказать боялся. Все по-честному хотел, чтоб жениться, а потом сразу увезти.

ФЕДОР КУЗЬМИЧ. А ты чего тут запрыгал, чего мельтешишь? Кого увезти? Куда? Зачем?

ВАСЕК. Ее увезти, Антонину Петровну. Он же, Николай, после армии куда захочет может, а ее как жену увезет.

ФЕДОР КУЗЬМИЧ. Это кто же вам такие права дал? Сегодня ее увезти, завтра другую, потом вообще?

ВАСЕК. Он же как жену хотел, чтоб по закону все.

НИКОЛАЙ. Я-то и совсем не хотел увозить, мне-то все равно где. Это Ваське надо от нее избавиться, чтоб завклубом стать. А мне-то все равно, хоть и здесь могу.

ФЕДОР КУЗЬМИЧ. Та-ак! Избавиться, значит, задумал, уничтожить? От человека значит, чтоб и следов не осталось, а самому в завклубы, так что ли? (*Васек, опустив голову, молчит.*) А, может, ты и на председателя уже наметился? Сначала ее устранишь, займешь место, а там и до председателя рукой подать?

ВАСЕК. Зачем мне председатель.

ФЕДОР КУЗЬМИЧ. А я откуда знаю чему там тебя еще обучили? Кто поручится, что у тебя завтра в голове будет?

НИКОЛАЙ. Про председателя он вообще ничего не говорил.

ФЕДОР КУЗЬМИЧ. Это что ж тут такое происходит? Мы их, значит, как добросовестных помещением обеспечиваем, аппаратуру дорожную купить хотели, а они тут, выходит, под прикрытием на советскую власть топоры точат?

ВАСЕК. Топор вы мне не шейте. Если по какой статье виноватый – отвечу, а по мокрому все равно не пришьете, я законы знаю.

ФЕДОР КУЗЬМИЧ. Пришьем, все пришьем! Мы тебе как самому главному врагу народа припаяем! Я перед тобой сейчас не Федор Кузьмич, я перед тобой в данный момент Советскую власть представляю, а ты на меня, выходит, уже все топоры выточил? Так как же тебя прикажешь после этого рассматривать, а?

ВАСЕК. Я не на вас, я на завклуба.

ФЕДОР КУЗЬМИЧ. А кто после нее тебя остановит, кто? Да если ты еще при живой вытворяешь такое, так когда на ее место сядешь не только сельсовет, а весь народ с перерезанными глотками в радиусе лежать будет.

ВАСЕК. Сельсовет я не собирался и народ тоже, я только ее.

ФЕДОР КУЗЬМИЧ. А чем ты теперь это докажешь, чем? Кто тебе теперь поверит после этого? Чем ты теперь докажешь, что после нее дальше не пойдешь душегубствовать, чем?

ВАСЕК. Доказать не могу, а только сельсовет я не собирался и народ тоже, Николай, вон, может подтвердить.

НИКОЛАЙ. Про сельсовет он вообще ничего не говорил, он только завклубом хотел стать.

ФЕДОР КУЗЬМИЧ. Подтвердить... Да он сам такой же соучастник, если ее убрать согласился.

ВАСЕК. Ничего он не соучастник, я все на себя беру. И вы гражданин председатель, мне групповую не шейте. Я все на себя беру и сам отвечу. С матерью только разрешите проститься.

ФЕДОР КУЗЬМИЧ. Отвечу... Вы ответите! Чтоб завтра же и духу твоего здесь не было. Иначе – сам знаешь.

ВАСЕК. Понял, Федор Кузьмич!

ФЕДОР КУЗЬМИЧ *(Тоне.)* Как лучше людям стараешься, так они тебя же дураком и выставляют за это. Про справку не забудь. *(Выходит, хлопнув дверью).*

ВАСЕК. Я уж думал все.

НИКОЛАЙ. Чего он про топор какой-то, где у нас топор?

ВАСЕК. Эх, Колян, ничего ты еще не знаешь. Если надо они и топор и автомат с пистолетом припишут. Главное – попытка на покушение была, а остальное они сочинят. Так что ты меня прости, Тоня. Я виноват, конечно, и все понимаю, а Колян здесь ни при чем, он все по-хорошему хотел.

ТОНЯ. Идите же.

ВАСЕК. Он все по-хорошему хотел. Это я его увезти подговаривал, а сам-то он все по-честному хотел.

ТОНЯ. Идите.

ВАСЕК. Мне не веришь - у него спроси. *(Николаю.)* Ну, объясни ей.

ТОНЯ. Идите, я закрывать буду.

ВАСЕК. Не подходит, значит, тебе Колян?

ТОНЯ. Все, я закрываю.

ВАСЕК. Конечно, у нас нет такого образования как у тебя. Зато Колян хотел все по-честному.

ТОНЯ. Что мне уйти, открытым оставить?

ВАСЕК. Конечно, если бы он к клубу на своей машине подъехал. Вам же, женщинам... Вы же тогда сразу по-другому смотрите.

ТОНЯ. Да, если на машине – по другому. А сейчас идите...

ВАСЕК. Пойдем, Колян. Сам видишь – не нужны мы тут такие.

НИКОЛАЙ *(Тоне.)* А если я точно... Ну.. На машине приеду?

ТОНЯ. Приезжай, интересно будет посмотреть.

ВАСЕК. Пойдем, может где-нибудь и без машины пригодимся: все равно, зачем-то же нас на свет родили.

Действие второе

Картина вторая

Жилище Васьки – сараюшка, приспособленная под летнюю спальню. Топчан, что-то заменяющее, если понадобится, стол, табуретка, ящики для этой же надобности, журнальные иллюстрации на стенах. Николай неподвижно сидит за столом. Васек ищет нужные при отъезде вещи.

ВАСЕК. Нет, Колян, не могу я приспособиться к этой житухе. Думаешь, наконец-то, заскочил на нее, уцепился, приосанился, а она сделает какой-нибудь финт, и снова полетел родимый мордой в грязь. Но ничего, кто-то может и посмеется, а мы не гордые – оботремся и снова вперед, только теперь отсюда подальше. А насчет Тоньки так, вообще, брось, не думай! В город приедем, я пять таких, как она, перед тобой выложу. Нашел о ком жалеть. Да она и сварить-то, наверно, не умеет как следует, да еще я из-за нее чуть не залетел. *(Передразнивает Тоню нарочито противным голосом.)* «Ах, мальчики, кто же так ахает..» - хватит, Антонина Петровна, наахались, пусть теперь перед вами другие шестерят. Ничего, вспомнит она еще тебя когда он ее каждый день гонять начнет.

НИКОЛАЙ. Кто гонять?

ВАСЕК. Кто... Да за кого замуж выйдет.

НИКОЛАЙ. А за кого это она выйдет?

ВАСЕК. Я откуда знаю?

НИКОЛАЙ. Чего ж тогда орешь, если не знаешь?

ВАСЕК. Но за кого-то же она все равно выйдет? Хотя кому она такая нужна-то? *(Снова передразнивает.)* «Агитбригаду будем делать, агитбригаду...» - пусть благодарит, что еще нашелся такой... спокойный. А потом, когда одна останется с ребятишками...

НИКОЛАЙ. С какими еще ребятишками?

ВАСЕК. Со своими, конечно. Он же ее бросит. И даже от алиментов скроется. Заплачет она тогда слезами горячими! Иди, скажет, Васек,

завклубом, сама позовет, да только поздно будет. Когда от нее родители откажутся, кто думаешь, Кузьмич ей поможет? Не тут-то было!

НИКОЛАЙ. Почему это они откажутся?

ВАСЕК. А кому она будет нужна без мужика, да с ребятишками? Перед родней позорить? Да они ее на порог не пустят после этого!

НИКОЛАЙ. Да чего ты тут? Знает он все, выискался! Чего ты на нее?

ВАСЕК. Что, пожалел, жалко стало? А нас с тобой кто пожалеет? Вот и будут теперь бабы из-за твоей жалости всю жизнь на тебе ездить! А на мне так даже и ездить не будут. Может, спрятаться куда, пока все не забудется? Нет, Кузьмич хоть и хороший мужик, а посадит – глазом не моргнет. *(Со двора слышен лай собаки).* Собака на кого-то? Может, он передумал и пришел?

НИКОЛАЙ. Чего он ночью будет?

ВАСЕК. Может сказать хочет, чтоб не уезжал, пошутил мол?

НИКОЛАЙ. Да, он тебе пошутит. Чего гадать-то, иди открывай.

ВАСЕК. А может наоборот, забирать пришли? Но ты же слышал, он же сам сказал: «Чтоб завтра не было». А сегодня-то еще не завтра?

НИКОЛАЙ. Чего ты теперь доказываешь – открывай иди. «Ребятишки... Родители откажутся...» Откуда ты знаешь, какие у нее родители?

ВАСЕК. Что?

НИКОЛАЙ. Того. Что она тебе сделала, начинаешь про нее всяко разно?

ВАСЕК. Эх ты...! Лучшего друга может сейчас забирать будут, а он...

(Выходит.)

НИКОЛАЙ *(вслед).* А ты не говори в другой раз, чего не знаешь.

(Лай усиливается и через некоторое время входят Васек, Кеша – крупный парень по кличке Веселый и мужчина неопределенного возраста, внешности и даже имени. Васек от радости не может найти себе места.)

ВАСЕК. Проходите, парни. Вот тут сейчас и обитаю пока не холодно, Колян, смотри кто приехал, ты же его помнишь, тогда был. Садитесь, парни.

КЕША. Куда тут у тебя садиться-то?

ВАСЕК. На кровать, Колян, дай им табуретку. (*Кеше, кивая на мужчину.*) Кент твой?

КЕША (*мужчине*). Как? Все не могу запомнить – Арис....страх... Короче, Арик да и все. Точно?

МУЖЧИНА. Проездом, но рад.

КЕША (*мужчине*). Это Васек, Кент мой, а это Никола, зуб на меня сидит точит.

НИКОЛАЙ. Чего это мне его точить?

КЕША. А чего ж второй раз приезжаю и все время смурной? (*Оглядывая помещение.*) Курятник это что ли?

ВАСЕК. Нет, теплушка, да еще кролики жили. А чего, тут нормально, никто не мешает. Мать с сеструхой в избе, а я тут пока не холодно. Ловко, что вы приехали!

КЕША. Самогон наверно тут гонишь, отделился?

ВАСЕК. Нет, у нас тут не гонят и завозят редко.

КЕША. Редко говоришь? (*Вытаскивает из сумки три бутылки водки.*) А вот у нас – часто. Кое-что имеется. Как? Еще одну с ним по дороге раздавили.

ВАСЕК. Смотри, Колян! Ну, вы даете! Счас я чего-нибудь зажевать. В доме-то все есть – будить неохота.

КЕША. Обойдемся, было бы курево.

ВАСЕК (*ища закуску*). Вот, чеснок. Даже огурец есть. Счас, стаканы. Ловко, что вы приехали. А то я уж думал забирать меня пришли. Все, нашел, садитесь.

КЕША. А чего ты тут успел?

ВАСЕК. А! По дурости. Ты, Колян, на ящик садись. (*Мужчине.*) А ты вот, табуретка. (*Кеше.*) На работу хотел устроиться, а председатель кричит – посажу. И чтоб в 24 часа.

КЕША. Ну и что «на работу», сядят что ли тут за это?

ВАСЕК. Да нет, это он так повернул. Будто я завклуба хотел замочить, чтоб самому стать завклубом. (*Разлив и расставив стаканы.*) Все, давайте! За встречу!

КЕША. погоди, а ты что, точно хотел?

ВАСЕК. Чего?

КЕША. Ну, завклуба...

ВАСЕК. Да ты что! Она же баба, Колян, вон, даже жениться на ней хотел. Это я просто, чтоб она с работы ушла. Тогда б меня завклубом поставили. Давайте, за встречу! Хорошо, что приехали!

(*Все пьют.*)

КЕША (*выпив и энергично выдохнув вместо закуски.*) Ху-у! Мокрушник тут нашелся.

ВАСЕК. Кто? Чего?

КЕША. Кто... Ты! В завклубы ему приспичило.

ВАСЕК. А что?

КЕША. Еще и водяры ему выставил.

ВАСЕК. Да тебе-то что?

КЕША. А то, что я сюда ехал, думал тут пока тормознуться, а ты...

ВАСЕК. Ты же говорил устроился там?

КЕША. Сам иди туда устраивайся, завклуб. О, точно подходит. Кликуха у тебя теперь будет такая – завклуб. И куда теперь дергать? (*Николаю.*) Может ты возьмешь каким помощником?

НИКОЛАЙ. Сам еще не устраивался.

КЕША. Разбежался... С пузырями...

ВАСЕК. А я думал ты там все.

КЕША. Все тебе! В общаге-то одни химики. Каждый день дергают: сегодня одного, завтра другого. Вот я и прикинул... Наливай, чего теперь.

ВАСЕК (*разливая*). Держался бы как-нибудь.

КЕША. Да что ты говоришь! И откуда только такие умные завклубы берутся – держался! Общагу не знаешь? Ты когда выпьешь сильно умный бываешь?

ВАСЕК. Дурак, конечно.

КЕША. А я лучше? Вот и прикинул: а долго еще такого дурака коммунисты на воле терпеть будут? Прикинул и вышло, что до лета никак не вытерпят. Тогда один шанс – к тебе, а ты тут завклубов мочишь. Ладно, давайте!

(*Пьют.*)

ВАСЕК. Да я-то что, я все по уму хотел, это он взъелся. Сначала весь сельсовет шил, а потом видит – не на того напал, одну только статью оставил.

КЕША. Ну и куда мы теперь? (*Васек пожимает плечами.*) Может, на север рванем?

ВАСЕК. Там и своих хватает.

КЕША. Правильно. На юге тоже. В зоне хоть думать не надо было, а тут теперь... Но ты-то, сам-то куда собрался?

ВАСЕК. К тебе хотел. Думал, пока у тебя.

КЕША. Ну, спасибо, что не забыл кента! Ко мне он... Тут ни Ментов, ни вытрезвиловки, только и отсидеться, а он...

ВАСЕК. Сказал же – 24 часа дал. А он хоть и хороший мужик, а посадит – глазом не моргнет.

КЕША. Ну и куда мы теперь?

(*Молчат.*)

НИКОЛАЙ (*он заметно опьянел*). Давайте тогда выпьем.

КЕША. За это что ли? (*Ваську.*) Умный у тебя корифан. Слушай, Васек, но что делать-то будем. Где можно тормознуться-то? У тебя хоть это

есть, у меня вообще нигде ничего. А на нары снова – меня, например, не потягивает.

ВАСЕК. Здесь бесполезно. Веселый. Он и меня-то, если утром поймает, посадит, хоть и родня какая-то, а уж тебя-то с первого взгляда. Жалко, что у меня сегодня не вышло. Если б вышло, я б тебя сразу кочегаром взял.

КЕША. А может еще попробуешь? Давай завтра вместе сходим?

ВАСЕК. Да, сходишь! Он тогда всю деревню на нас поднимет с кольями. Нет, Веселый, тут нам ничего не светит. По новому начинать надо. В городе хоть идешь, не знают тебя, а тут – каждый. Нет, бесполезно.

КЕША. В городе... В городе менты на каждом углу! И все нюхом чуют, что ты только откинулся. Но кем можно стать-то? Слушай, Арик, но ты-то чего молчишь в натуре, у тебя же голова, вон сколько в автобусе мне рассказывал.

МУЖЧИНА (*очнувшись от какого-то полусонного состояния*). В смысле?

КЕША. Ну вот скажи, куда нам можно, если на силикатке до лета все равно заметут, а отсюда его уже нагнали?

МУЖЧИНА. И что требуется?

КЕША. Ну, кем быть-то? Видишь, здесь тоже не выходит.

МУЖЧИНА. Дело, мужички, открывать надо, свое дело – лучший вариант.

КЕША. Какое дело, кооператив что ли?

МУЖЧИНА. Называй как хочешь, главное – стать коммерсантом. Что, можете?

КЕША. Как?

МУЖЧИНА. Специальности какие?

КЕША. А какие? Электриком немного могу. На бетономешалке стоял месяц. А как вышел – цемент разгружаю. А Васек... (*Ваську.*) Учился же ты на кого-то?

ВАСЕК. На экскаваторщика. Чего я учился-то – два месяца.

КЕША. Но ездить-то на нем можешь?

ВАСЕК. Откуда? Я к нему и подойти не успел.

КЕША. Колхозник! *(Николаю.)* А ты? *(Ваську.)* Он тоже с нами будет!

ВАСЕК. Он плотничал до армии, батя его с собой в бригаду брал.

КЕША *(Мужчине)* Ну и кем мы можем?

МУЖЧИНА *(кивая на бутылку).* Подумать надо.

КЕША. Это можно, наливай, Васек. Думай, Арик, думай. Можем хоть сколько поливать, только придумай чего-нибудь. Давайте! *(Пьют.)* Ху-у! Понимаешь, Арик, главное нам чтобы не залететь и...

ВАСЕК. И чтоб самим.

КЕША. Чего самим?

ВАСЕК. Ну, чтоб все самим. Чтоб уж на волю – так на воле.

КЕША *(секунду пытается понять, но машет рукой).* Не слушай его – темнит. Главное – чтоб не залететь и... Ну и чтоб чуханом не стать.

НИКОЛАЙ *(мужчине).* А машину достать можешь?

КЕША. Да погоди ты!

МУЖЧИНА *(после выпитого, глаза его загораются, движения становятся энергичными, голос крепнет.)* Машину, говоришь? Какую?

КЕША. Да погоди ты, зачем машину? Нам сейчас главное чтоб... Какую тебе, зачем машину-то?

НИКОЛАЙ. Машину.

ВАСЕК. Это ему чтоб поджениться. На машине сказала подъедешь – пойду. Деваха вот такая!

КЕША. Ну и что? Ему жениться, а нам? Не слушай их, Арик. Ты вот про какое-то дело начал, про коммерсантов, чего ты хотел сказать-то? *(Ваську.)* Это же голова! Знаешь, как он мне в автобусе рассказывал?! *(Мужчине.)* Так как там надо начинать-то? Наливай, Васек!

(Пьют.)

МУЖЧИНА (*только сейчас становится ясно, что он прежде всего алкоголик.*) Как начинать, говоришь? А в бане давно были?

КЕША. А при чем тут баня?

МУЖЧИНА А при том, что ни одна не работает на весь город. Ясно?

КЕША. Ну и что?

МУЖЧИНА Как это – ну и что? Да вы только вдумайтесь, там же дензнаки мешками отгружать можно. Ведь у них же то свет без воды, то вода без света, значит вся клиентура ваша! А вы, кроликов выжили отсюда и радуетесь, еще и что делать спрашивают! Да сауну вам надо открывать, сауну! Тут и квалификация не помешает.

КЕША (*Ваську*). Ты понял чего? Про баню про какую-то, про сауну. (*Мужчине.*) Чего баня-то? Работать что ли туда идти?

МУЖЧИНА. Правильно! А на большее у вас вот здесь не хватит! Да свою, свою открывать! В час-полтора – два рэ с носа. Если четырнадцать часов в сутки и пропускать хотя бы по тридцать голов в час выходит... Та-ак, выходит... 840 рэ.

КЕША. За один месяц?

МУЖЧИНА Восемьсот сорок, минус оплату старушкам, прочие расходы и того, остается в пределах 500 рэ в день. (*Наливает себе и пьет.*)

КЕША. Слышь, Васек, чего это он?

НИКОЛАЙ. А машину?

КЕША. Да подожди ты! Видишь, чего он говорит.

МУЖЧИНА (*говорит в то время, когда глаза его уже закрываются, голос становится сонно-монотонным*). Еще раз повторяю: бани не работают, открываете свою, весь народ к вам, полтора рэ в час – это же элементарно. Но при составлении заявки вам будет нужен экономист: подсчитать убытки от похмельного синдрома. Ясно?

КЕША. Что? Васек, давай ближе, слушай сильней, я ничего понять не могу. (*Мужчине.*) Чего экономист?

МУЖЧИНА Половина работяг по утрам трясется, от этого продукция со знаком минус, то есть – брак. После парной, они работоспособны через час? Вывод? Ваше предприятие даст государству миллионные прибыли. (*С трудом наливает и пьет.*)

КЕША. Васек, но ты понял? Я же понял теперь, Васек, я все понял! Слушай, вот это голова! А если бугром его? Слушай, Арик, если все это по уму, то давай к нам бугром?

МУЖЧИНА Оклад только в валюте.

КЕША. Чего?

ВАСЕК. Веселый, да никто нам без прописки ничего не разрешит.

КЕША. Да какая прописка, если мы столько в день иметь будем? Снимай любую хату, да живи. Ты не о прописке, ты вообще представь что это такое! Да вы по два пузыря мне должны поставить за то, что я его встретил да сюда привел. Это же... Кто бы еще сообразил такое: за час из алкаша огурчика делать?! А если еще доходы посчитать? Да нас тогда в партию надо будет.

ВАСЕК. Алкаши и не пойдут совсем. Откуда у них с утра два рубля будет?

КЕША. А вот тут прикинуть надо. Или чтобы им со скидкой или талоны такие, а ихний завод чтоб оплачивал. Это-то потом обдумаем. Главное, не верится, что 500 в день можно.

МУЖЧИНА Можно 500, можно 1000, но все это туфта. Все это дензнаки, а мне нужна валюта. В наших краях можно открыть большое дело. Лес, меха – это же чистая валюта, а вы про какую-то баню. Вы думаете, к вам пойдут иностранцы? Шалишь, шаек не хватит! А у меня будет валюта потому, что я знаю новую технологию.

КЕША. Записывайте!

ВАСЕК. Где, ни ручки, ничего.

КЕША. Т-с-с!

МУЖЧИНА. Например, идет по дороге соболь, а из дупла интригующие звуки. Он туда, а там механизм; хватает его и в мешок. Как только мешок наполняется, его уносят. Под гипнозом котам нужно внушить, чтобы каждую вторую мышь они приносили соболю. В итоге: коты кормят соболей и валюта поступает безо всякого вмешательства. Дайте мне немного спиртного.

КЕША. Есть там еще?

ВАСЕК. Остатки.

КЕША. Дай.

ВАСЕК *(подавая)*. Он научит.

КЕША. Да это он все про валюту, а нам зачем она? Это его дело, а ты вспомни, что он сначала говорил.

ВАСЕК. А чего говорил? Кто нам эту баню даст-то, сам прикинь?

КЕША. Даст... Дать нам только срок могут, самим надо.

ВАСЕК. А самим как?

КЕША. Вот и надо пока он еще... *(Трясет.)* Эй, Арик, Борик или как там его?

МУЖЧИНА *(открывает глаза)*. Кстати, почему вы меня зовете каким-то Ариком?

КЕША. Он же сам... Ты же сам сказал в автобусе, только длинно как-то. А я чтоб покороче сделал.

МУЖЧИНА Я сказал: можешь звать хоть Аристархом, но я не настаивал, что я именно Аристарх. *(Снова закрывает глаза.)*

КЕША. А как же тебя тогда? Да нам-то какое дело – Арик, Марик! Ты нам про баню, главное, скажи. *(Трясет.)* Слышь, с чего начинать-то, ну с баней-то?

МУЖЧИНА. С первоначального капитала. Какой у вас первоначальный капитал?

КЕША. А какой у нас капитал?

МУЖЧИНА. Сколько у вас наличными? Сколько в ценных бумагах?

КЕША. А сколько? У меня должно восемь рублей остаться. У тебя есть чего?

ВАСЕК. Откуда.

КЕША *(снова трясет мужчину)*. Слышь, а если у нас пока нет, ну, капитала этого, где взять можно? Слышишь? Где взять капитал?

МУЖЧИНА. Банк. Ссуда. *(Через какое-то время почти совсем уже отключенный с закрытыми глазами)*. Магазин можно брать так: окна целы, печати на месте. Но труба разбирается по кирпичикам и в образовавшуюся брешь... В итоге: юридически ты неуязвим, потому как печати на месте. Но фактически касса у тебя. Дайте мне немного спиртного.

ВАСЕК. Нет больше ничего.

НИКОЛАЙ. А машину достанешь?

МУЖЧИНА Достану, но тогда нужно две.

(Николай молча выходит. Мужчина отключается окончательно.)

КЕША. Все. Утух.

ВАСЕК. Он научит. Кто он такой-то?

КЕША. Давай его на топчан, чтоб не мешался. Да, вот это мужик!

ВАСЕК. Ха, а чего он тогда дурь какую-то?

КЕША. Да это валюта, там такие статьи, что не с нашим образованием соваться. А вот баня!

ВАСЕК. Кто он вообще-то?

КЕША. Я откуда знаю? В автобусе вместе ехали. Он как начал базарить – сразу бутылку раздавили. А потом со мной сошел, хоть и дальше куда-то ехал. Тут, главное, Васек, деньги найти. А я уже прикинул: если у нас будет этот самый капитал первоначальный, то все, что он говорил на точняк можно сделать. Сам прикинь: мыться негде, притом, после этого все даже бичи пашут, и 500 в день. И все по уму, законно.

ВАСЕК. А где этот капитал брать?

КЕША. Ты же слышал – ссуда.

ВАСЕК. Ха! Мы такие-то, такие-то, кликухи Завклуб и Веселый, только что откинулись и выдавайте нам за это ссуду. Так что ли напишем?

КЕША. Думаешь, не дадут? Я тоже думаю. Туда нам соваться невпротык. Но капитал-то надо! *(Входит Николай.)* Деньги что ли принес?

НИКОЛАЙ *(выставляет две бутылки водки.)* А чего он? Сам сказал, а сам... Все, Никола, глухой отруб. Но если только отживет завтра – сразу тебе машину искать кинется. Налей-ка, Васек. *(Стучит себе по голове.)* Чего-то у меня тут зашевелилось.

ВАСЕК *(разливая, Николаю).* Ты где это?

НИКОЛАЙ. Знал где мать прятала, за машину чтобы.

КЕША. Давай, Никола, за твой мерседес, а потом думать будем. *(Пьют.)*

ВАСЕК. Говорил, дурь всякую.

КЕША. Нет, это он уже после дури, это он уже все по делу говорил.

ВАСЕК. Чего по делу-то, он же это во сне говорил.

КЕША. Ну и что, нам какое дело. Хоть и во сне, а все точно сказал. И без этого нам никуда, я уже прикинул.

ВАСЕК. Нет, Веселый, я тебе говорю: на это не пойду. И Колян тоже. И даже говорить про это не буду.

КЕША. Ладно. Тогда наливай.

ВАСЕК *(разливая).* Точно, Веселый, про это даже и говорить не буду.

КЕША *(кивая на спящего).* Растолкаем? Может еще чего скажет?

ВАСЕК. Да пошел ты! И так наговорил, лет на семь хватит.

КЕША. Ладно. Вздрогнем. *(Пьют.)* А теперь, раз ты его слушать не хочешь, я сам тебе всю правду скажу. И ты слушай, Никола, да не будь таким, как этот корифан твой бывший.

ВАСЕК. А чего я сделал?

КЕША. А на нары кто нас тащит? Смотри, Никола, ему самому в зону не терпится и хочет чтоб и мы за ним тоже.

ВАСЕК. Кто согласный?

КЕША. Ты, кто же еще кроме тебя! Пусть люди немые ходят, трясутся с утра до вечера, а тебя это не касается, тебе до этого дела нет. (Николаю.) Ему главное на нарах устроиться половчей, да посмотреть как народ мучается.

ВАСЕК. Да чего ты! Немые... Я-то тут причем?

КЕША. А притом, что нам раз в жизни случай такой выпал: и добро людям сделать и на свободе остаться, а ты... Нет, Никола, все равно не верю, не могу поверить, что он такое может.

ВАСЕК. Да чего ты на меня-то? Запудрил тут мозги! Я наоборот не хочу, а он...

КЕША. Вот именно не хочешь, сам признался. Не хочешь, чтоб у нас капитал был, чтоб людям хорошо было.

ВАСЕК. Я садиться не хочу!

КЕША. Колян, Никола, посмотри на него! Посмотри на этого завклуба хитрозубова! Тут же нагло просится в зону и тут же кричит нам, что он не хочет.

ВАСЕК. Да кто просится, где я просился?

КЕША. А кто магазин брать отказывался, я или Колян может?

ВАСЕК. Вот я и хочу, чтоб не залететь.

КЕША. Да где ты хочешь? Что ты нам в глаза издеваешься? Утром, если тебя поймают здесь – все, спеся! Про селикатку и говорить нечего, сам оттуда еле убежал. И куда тогда, если не в зону?

ВАСЕК. Не пойду я в никакую зону.

КЕША. Как ты не пойдешь? Если ты магазин брать отказываешься, как он нам через трубу посоветовал, так чего ж тогда от тебя ждать приходится? Если магазин не хочешь – значит в зону.

ВАСЕК. С магазином-то скорей туда залетишь!

КЕША. Это без магазина скорей, тогда на все сто процентов, а если с магазином так наоборот, тогда у нас у всех шанс человеком стать. Ты вспомни, Васек, вспомни кто залетает, это у кого вот тут ничего, кто по дури

своей на рога прет. Возьмут киоск и тут же рядом, на углу толкать начинают чего вынесли. Или нажрутся после этого и давай базлать на три квартала, какие они умные, да хитрые. Таких и берут как цыпочек, еще тепленькими. А я предлагаю – взять и сразу же дело начинать.

ВАСЕК. А если без магазина? Заработать сначала этот капитал, а потом начинать?

КЕША. Нет, но ты только посмотри на него, Никола, на завклуба этого. Вырос на сто пятьдесят сантиметров, а за неделю капитал заработать собирается.

ВАСЕК. При чем тут сантиметры?

КЕША. А при том, что мать твоя, вся родня, как работали? Правильно, как папы Карлы: всю жизнь. И что они заимели за это? Вот эту стайку, да корову с рогами обломанными? А? Так что давай, зарабатывай, лет через 15 мопед отхватишь. Или, может, тебя какие секретарем возьмут?

ВАСЕК. Да как мы этот магазин? Я и вообще не думал никогда даже.

КЕША. А я тебе «медвежатник» что ли? Но по кирпичикам-то разобрать можем, как вон, покойник подсказал. Обмозгуем. Я ж тебе не говорю, что именно сейчас встали и пошли. Я тебе вообще хочу, чтоб ты понял, что другого способа у нас нет. В принципе, чтоб понял. И чтоб начать готовиться. А уж там магазин или еще что – придумаем. Договорились, в принципе? Тогда разливай. *(Пьют. В течение последующей сцены все сильно пьянеют. Каждый почти не воспринимает остальных.)*

КЕША. Все, Васек, решили, договорились, а теперь начинаем думать. Завтра, еще у него чего-нибудь выпытаем с похмельюги. А потом...! Главное, с первого же дня установить порядочек.

ВАСЕК. Если баня, может тогда и клуб свой можно будет?

КЕША. Про клуб у меня образования не хватит, а вот порядочек у нас будет! Слышал, этот еще про бабок каких-то, чтоб еще платить им? Никаких старух! Запускаем первую партию, и как только разденутся, объявляем: вот этот ряд будет дежурным.

ВАСЕК. В моем клубе так не будет.

КЕША. Нет, будет. Объявляем, что дежурные, выдаем повязочки, построились, тряпки в зубы и чтоб не пылиночки. И никаких старух! А если кто возникать – голый до дома будет прихрамывать!

ВАСЕК. Тогда я им скажу, чтоб в твою баню вообще не приходили.

КЕША. Куда они денутся? Сантехнику из казенной бани пузырь сунул, он чирк-мырк и неделю воды нету. Потом электрику и неделю без света. Нет, никуда они от меня не денутся. А вместо старух, старичков приму. Пусть весь день в парной бесплатно парятся, а потом нам передают, о чем толпа базарила.

ВАСЕК. Кузьмич узнает про баню – он нам покажет.

КЕША. Все знать будем. Лучше кума.

НИКОЛАЙ. Васька, ты завтра мамке скажешь моей, что я не брал бутылки?

ВАСЕК. Никто мне теперь не поверит. Колюха, ох никто! Потерял я доверие и нет мне прощения ни в доме, ни на улице. Был шанс стать человеком, а стал... В баню, все теперь в баню!

КЕША. Васек, а как будет потом, ты только врубись! Идем мы с тобой «такие»: на всех пальцах печаточки, фиксы блестят, а навстречу Никола, весь такой же.

НИКОЛАЙ. Я на машине поеду.

КЕША. Точно, на машине. А я тогда... А у меня тогда чего-нибудь еще больше будет. Здорово коммерсант – кричу. Вся толпа притихла, а ты мне: «От коммерсанта слышу». А, Васек, чувствуешь как тогда жить будем?

ВАСЕК. Мне совсем жить никак не охота. В клуб не берут. Тонька даже и смотреть не хочет, даже и не думает.

КЕША. Слушай, Никола, но сколько нам еще ждать-то можно? У вас же тут в деревне есть магазин? Васек, слышь, у вас далеко магазин? Чего нам ждать? Сейчас вечером берем, а утром открываем дело. Сколько можно терпеть?

ВАСЕК. Я в своей деревне никуда не пойду.

КЕША. Так это же еще лучше, что в своей, Васек, это же тебе как отмазка будет. Ты им на судне так и скажешь: чего я дурак в своей деревне? Если мне надо, скажешь, я на стороне беру. А если здесь, то ищите другого.

НИКОЛАЙ. Чего-то, Васька, я совсем... Голова как-то...

КЕША. Да это вам так кажется, это просто мы от воли опьянели. А так мы нормальные, чего мы выпили-то. Да еще осталось, полбутылки. Сейчас все пойдем, подышим. (*Открывает дверь.*) О, на улице-то как! Это потому, что там не курил никто. И звездочки! Вот она, Васек, воля-то! И мы сейчас подышим ею как можно больше. Пошли.

Картина третья

Угол какого-то склада. Прямо на полу скорченные фигуры Кеши и Николая.

Васек обхватив колени, съезжившись сидит у стены. Скрипит дверь и в помещение входит Федор Кузьмич. Какое-то время глаза его привыкают к полумраку и, наконец, он видит неподвижную фигуру Васька.

ФЕДОР КУЗЬМИЧ. Отрепетировался, значит? (*Кивая на спящего Николая.*) И его теперь с собой? Одному скучно было, вдвоем теперь веселей? Ты мне вот что скажи: когда мы вчера с тобой разговаривали, ведь ты знал уже, что через час грабить пойдешь и ни в одном глазу, ни волосинка не шелохнулась. Так не уж-то сердце у тебя такое спокойное, что...

ВАСЕК (*перебивает*). Ничего я не знал.

ФЕДОР КУЗЬМИЧ. А как не знал? Что ж ты сидел, репетировал, а потом вышел покурить да и – дай-ка пойду грабану, вздумалось, так что ли? Ну скажи, ответь мне, ведь я и от своего-то ничего не могу добиться, тоже молчит, а то волком зыркает. Или уж мы так сильно провинились перед вами, что дай волю – живыми бы нас закопали. Или одним своим видом из себя вас выводим такие необразованные да некультурные, напоминаем, что

не из князей вышедши. Ведь и внучка-то слово не скажет, одно только фырканье. Так объясните тогда в чем она, вина наша главная. Тогда б мы может покаялись да искуплять ее как-то начали. А то ведь мы и в ум ничего взять не можем. В том, что батька твой весь израненный, с войны приполз, да от ран этих и упокоился? Так не он начинал ту войну. Что власть тогда творила? Так она с нами не советовалась, разрешения у нас не спрашивала. Мы тогда одно знали: в поле с утра до ночи и, кроме ак о хлебе кусочка и дум никаких не было. Так вот ты и ответь мне, в чем она вина-то наша главная? Не так все сделали – не по вашему? Так ведь мы-то делали по-своему, как знали да умели. И по нашему-то очень даже выходит.... Ведь ты погляди, если по нашему-то, расскажи-ка кому-то в то время, что можно будет полдня дрова поколоть по найму, да на эти деньги потом жить припеваючи.

ВАСЕК. Как это полдня, а потом месяц?

ФЕДОР КУЗЬМИЧ. А ты посчитай. За полдня ты машину дров расколешь и дадут тебя за это десятку самое малое. А на десятку сколько хлеба закупить можно?

ВАСЕК. Ну, а что хлеба?

ФЕДОР КУЗЬМИЧ. А как же, чего же нам, тогдашним, кроме хлеба еще то надо было? И не какой-нибудь там с лебедой, с опилками, а.... Да ни в жизнь бы тогда не поверили, что такое быть может, ни в каких снах! А теперь, когда даже и не мечтали о чем все сделали, теперь-то выходит мы самые виноватые и оказались. И вот никак я понять не могу: кто ж вас при такой-то жизни, какая беда-лихо в тюрьму-то гонит?

ВАСЕК. Кто... Да вы! Если б я хотя бы кочегаром в клуб устроился...

ФЕДОР КУЗЬМИЧ. Кочегаром... Ведь ты же мне еще и родней приходишься, батьку твоего не забыл еще. И когда смех, для всей деревни, девки, даже самые разнесчастные от тебя шарахаться начали б... думаешь мне...

ВАСЕК (*перебивает*). Не ваше дело!

ФЕДОР КУЗЬМИЧ. Ладно, пусть не мое, согласный. Только если вся молодежь по кочегаркам да по клубам разбежится, откуда ж, ты мне ответь, тогда все возьмется-то? Ведь вы же хоть и не по вашему все, а дай, дай-то не перестанете кричать, а кто ж все это «дай» вам сделать должен?

ВАСЕК. Да я бы сам работал, если бы... «Сегодня туда иди... Завтра туда пойдешь...» - вам же надо чтоб все шестерки перед вами бегали, да что с вами говорить!

КЕША (*встает*). Фу-у, трубы горят! И сон дурной. Вчера хибара вроде поменьше была. Слышь, Васек, сон дурной, будто пошли магазин брать и засыпались. Как живьем видел. Пахан твой? Слышь, батя, принеси воды, горит все. Погоди, у нас же вчера однако оставалось немного? Батя, посмотри, а?

ФЕДОР КУЗЬМИЧ. Я вам сейчас... Я вам и воды и зеленого...

КЕША. Да нет, вина вчера вроде не было, водка там должна и воды, воды, скорей только! (*Ваську.*) Хоть бы на матрац какой кинул, чего ты на пол-то? Ну что, батя, давай шустрей, горит же! Васек, скажи ему, чего он телится.

ФЕДОР КУЗЬМИЧ (*Ваську.*) Выписал, значит? Напарничка вытребовал? Вот уж этого-то я тебе... Вот уж за это-то, не поленюсь хоть в суд, хоть куда поехать, все справки соберу, а добьюсь, чтоб больше никогда тебе оттуда не вылезти! Это каким же извергом надо быть, чтоб специально пригласить этого, да не где-нибудь, а здесь, в своей деревне, где и мать и сестра и вся родня находится, именно тут напакостить, чтоб каждый потом мог и сестре и матери разнесчастной в глаза плюнуть. Нут, уж этого я тебе... (*Выбегает.*)

КЕША. Чего он у тебя, псих что ли?

ВАСЕК. Это председатель сельсовета.

КЕША. А он что, родня тебе, чего он тут делает?

ВАСЕК. Родня.

НИКОЛАЙ *(тоже встал.)* Это мы что ли вчера были?

ВАСЕК. А то кто же.

КЕША. Где были? Что вообще вчера было-то? Я последнее время назавтра ничего не помню. Да еще сон этот дурной. Что вчера, почему мы здесь-то?

ВАСЕК. Залетели.

КЕША. Как? Мы же в хибаре твоей сидели и все.

ВАСЕК. А потом магазин.

КЕША. Так магазин это уже там, во сне был.

ВАСЕК. Не во сне.

КЕША. Как не во сне? *(Разбредаются по углам и затихают.)*

(Долгая пауза. Открывается дверь и входит Тоня с ведром воды. Кеша, напугав ее, сразу же молча вырывает воду и жадно пьет. Все растерянно молчат.)

КЕША *(оставляя ведро).* Фу-у! Хоть воды и то полегче. *(Ваську.)* Сеструха?

ВАСЕК. А, да, сестра. Проходи, Тоня.

КЕША. Слушай, Васек, спроси у нее где этот хмырь, что вчера был. Может он принесет что там осталось, а то никак врубиться не могу.

ВАСЕК. Дай нам поговорить, Веселый.

КЕША. Но пусть она пошлет его сюда, трудно что ли?

ВАСЕК. Да никого не было, кого посылать?

КЕША. Как не было? Ну вчера-то, заливал еще нам.

ВАСЕК. Слушай, Веселый, приснилось тебе все. Дай поговорить.

КЕША. Да что я, совсем шизанулся что ли? Точно не помню: рядом ехали, четыре пузыря в сумке *(не так уверенно)* соболя с котами учеными... Или это точно приснилось, дурь какая-то? *(Отходит.)*

ВАСЕК. Тут вот сидим пока. И Колян тоже. А ты как узнала?

ТОНЯ. Меня Кузьмич отправил. Воды сказал увезти и еще вам передать, сама толком не поняла что.

ВАСЕК. Да он тут сам был.

ТОНЯ. Да, он говорил. Специально пошел сказать вам, разнервничался и убежал, ничего не сказав.

ВАСЕК. А что он сказать хотел?

ТОНЯ. Да все про дом этот, ну, который, машиной развалили. Всех уже с этим заколебал.

ВАСЕК. На нас, что ли, его списать хочет?

ТОНЯ. Как списать?

ВАСЕК. Ну, нам его пришить, будто мы его развалили?

ТОНЯ. Нет, при чем здесь я? Я так поняла, что он боится как бы милиция не узнала. Вот и просил меня передать, чтоб вы молчали.

ВАСЕК. А нам с чего про этот дом базарить? Мы-то здесь причем?

ТОНЯ. Не знаю. Говорю же, всех уже с этим домом... Никто ничего и не думает, а он сам только бегает, все компостирует. Вот, передала. Может еще воды принести?

КЕША. Васек, ну пусть она сама тогда принесет, что там осталось.

ВАСЕК. Ничего у нас там не осталось, приснилось тебе.

ТОНЯ. Так не надо больше воды? Тогда я пойду. *(Все молчат.)* А вам не страшно? Я вот никак понять не могу и даже не верила сначала – вчера еще мы все нормально ходили, разговаривали даже, а сейчас... Неужели так все быстро может... Вы-то сами не изменились? А зачем это вы?

ВАСЕК. По дурости. Колян-то вообще не причем. *(Николаю.)* Скажи сам-то чего-нибудь.

НИКОЛАЙ. Машину заработаю.

ТОНЯ. Какую машину?

ВАСЕК. Да ты-то сказала, что если на своей машине, тогда посмотришь, а он вбил себе. При чем тут машина?

ТОНЯ. Какая машина, ничего не пойму. Ну, я пойду.

ВАСЕК. Погоди, как пойдешь?

ТОНЯ. А как надо? Я не знаю, что в таких случаях говорят – желают чего, или к черту.

ВАСЕК. А Колька? С ним-то? (*Николаю.*) Ты чего молчишь-то?

НИКОЛАЙ. Ты же говоришь.

ВАСЕК. Я!... При чем тут я-то? Тоня, про что мы вчера тебе говорили, Кузьмич только помешал, а так все по-честному говорили... Скажи ему чего-нибудь?

ТОНЯ. Что?

ВАСЕК. Ну, скажи!

ТОНЯ. Что я должна сказать?

ВАСЕК. Видишь, он не может, духу не хватает, а ты тогда сама скажи, только по-честному – у тебя никого нет? Ну там, в городе?

ТОНЯ. По-честному? Ну нет, а что?

ВАСЕК. И не тянет?

ТОНЯ. Что?

ВАСЕК. Ну, я говорю, и не хочешь, хотел сказать, никого что ли, совсем? Заводить никого не хочешь, что ли?

ТОНЯ. Ладно, пойду. А то Кузьмич сейчас сам прибежит.

ВАСЕК. Тоня, может я сказал не так чего. Колька, ну говори сам, что я все за тебя. Говори!

НИКОЛАЙ (*Ваську.*) А чего нам будет-то?

КЕША. Пятнадцать суток и семь лет химии.

НИКОЛАЙ. Как это?

ВАСЕК. Тоня, да ему-то может и вообще ничего не будет. У него же ни одной судимости... Слушай, Веселый, мы можем на себя взять, нам-то все равно. Если ему и дадут, то немного. Подождешь?

ТОНЯ (*Николаю.*) Пиши. Да я и все равно не верю, что что-то будет, подержат, да отпустят. Ну, а если сколько продержат – пиши. Оба пишете. Пойду я.

ВАСЕК. Тонечка, значит он тебе писать будет, а как выйдет... А может его вообще сразу отпустят.

ТОНЯ. Конечно. Да не его, а вообще всех.

ВАСЕК. А если еще мы на себя возьмем, то его вообще...

ТОНЯ. Давайте, пишите, если что. Пошла. *(Тоня выходит. Николай, чтобы скрыть распирающее его чувство зачем-то начинает наводить в сарае порядок.)*

ВАСЕК. Ничего, Колька. Видишь как. А она женщина что надо.

НИКОЛАЙ. Сам же ты тогда первый про машину какую-то. А она-то и вообще ничего.

ВАСЕК. Все нормально. Колян, Веселый, давай возьмем на себя, нам-то все равно, а он пусть... Видел какая?

КЕША. Что ж ты мне лапшу на уши: сеструха! И хмырь этот был вчера, точно вспомнил. А что вы сейчас про машину-то? Вчера тоже, вспомнил, он все какую-то машину требовал.

ВАСЕК. Да Тонька, вот, была которая, пошутила ему вчера, что, если подъедет к клубу на своей машине, то пойдет за него. Она просто в шутку сказала, а он правда давай... А она-то вообще, видел, спокойная какая.

КЕША. Кем она работает?

ВАСЕК. Завклубом, я ж говорю. Ты еще вчера пьяный на меня поднялся: зачем я ее замочить хотел. А я-то что, ты же видишь, я просто на работу хотел.

КЕША. Если она завклубом, то наверно и председателя и всех тут знает, парторгов там разных?

ВАСЕК. Конечно, она же в клубе. Веселый, давай. Кольку отмажем?

КЕША. Да вот сам мозгую. Васек, как нам лучше раскинуть. Деваха эта, говоришь, машину у него вчера потребовала?

ВАСЕК. Да нет, это просто...

КЕША. Ну, говорила же она про это?

ВАСЕК. Да она так, в шутку, а он...

КЕША. Это отлично, Васек. В шутку ли, всерьез ли – главное говорили. А это нам вот так сослужить может. Точно, Никола?

НИКОЛАЙ. Точно!

КЕША. Молоток. На него я вообще смотрю положиться можно. Как Васек?

ВАСЕК. Колян-то? Мы же с ним вот с таких вместе. Что делать-то будем, Веселый?

КЕША. Вот я и прикидываю. А вся надежда наша на Николу. Как Никола, не подведешь?

НИКОЛАЙ. Нет.

КЕША. Видел? Вот как надо. Завклуб. Первая ходка и рот до ушей! А мысля у меня такая пришла. Залетели мы значит! Тут ничего не попишешь, так нас дураков и учат. Правда, я поторопился, сам к ним кинулся. На селикатке может через месяц-два б залетел, а тут, с разбега. Ну да ладно, рыдать все равно некогда, а вот обдумать, как меньше схлопотать – надо. И побыстрей, пока менты не прикатили. Потом рассадят и слова не скажешь, а здесь нам повезло. Так вот слушай. Васек, чтоб потом разнобоя не было. Я уже все прикинул и раскладывается – лучше не придумаешь. Так вот, сначала надо вызвать завклубом эту, сестричку твою.

ВАСЕК. Зачем?

КЕША. А вот тут слушай и наматывай. И ты тоже, Колян. Если все сделаем как надо – может и до суда не дойти. Значит так: вызываем завклубшу и сразу ей факты, что вчера она сказала Николе, чтобы он срочно приобрел автомобиль в личное пользование. Можно даже вставить, что не возражала против приобретения автомобиля нечестным способом. Иначе грозила бартануть. Значит, это можно истолковать как подстрекательство противоправным действиям. Дальше. Мы, как его лучшие Кенты, прикинули, чем это грозит, и стали его отговаривать. Но, когда он все равно вырвался и побежал к магазину, мы пошли за ним, чтоб помешать совершить противоправный акт. Поэтому-то, он даже залезть туда не успел. Ну, а

потом в темноте всех повязали, и нас в том числе, хотя мы хотели помочь органам правопорядка. Как?

ВАСЕК. Да ты что, Веселый?

КЕША. Да ты слушай, слушай как тут все раскладывается: если мы с тобой скажем это в один голос, тогда мы будем вообще ни при чем. А больше свидетелей нет. Бикса ваша, как только мы ей намекнем, что она может быть привлечена как подстрекатель, тут же забегает, все перевернет, только б отвертеться. А вы же сами говорите, что у нее тут все знакомые, значит, могут дело замять совсем, чтоб ее выгородить. Ну, а если совсем не замнут, так Николе по первой ходке все равно, считай, ничего не будет. Ну как? Как все ловко раскидывается и сочинять не надо.

НИКОЛАЙ. Чего это он хочет? Он что, это про Тоньку говорил?

КЕША. По-моему, такая везуха раз в жизни бывает – все сходится. Да, еще чуть не забыл. (*Кивая на Николая.*) Он нам поставил два пузыря водки, чтобы мы помогли ему достать машину. Да так и было! Смотри, все как специально сходится. И хмырь там этот был, чего ты мне заливал, что во сне. И бутылка осталась недопитая, сейчас-то все вспоминаю. Так вот, мы ее не допили потому, что отказались быть его сообщниками. Тогда он побежал один, дальше известно. Так-то, Завклуб! Моли бога, что я с тобой! А без меня бы залетел до седой щетины.

НИКОЛАЙ (*Ваську*). Чего он говорит-то?

ВАСЕК. Веселый, но он же ничего не понимает, в первый раз.

КЕША. Все мы когда-то первый раз. Ему-то еще повезло, он с нами, есть кому поучить уму-разуму.

ВАСЕК. У него же баба, видел же. Сама сказала, что ждать будет.

КЕША. Пусть ждет, кто ей мешает. А насчет того, что подстрекала, так это только пугануть, чтоб забегала, а никто ее не посадит.

ВАСЕК. А мы-то потом как с ней будем? Она нам воды принесла, а мы?

КЕША. Не пойму, чего ты хочешь? Что у него с этой бабой разладится? А нам какое дело? Это его дела и нечего в них лезть.

ВАСЕК. Так он же из-за меня залетел!

КЕША. С чего это из-за тебя? Наоборот, мы из-за него! Если бы он не принес эти два пузыря за машину, мы б не одурели вчера и счас бы спокойно опохмелялись в твоей хибаре. Так же все было? Я даже ничего и не выдумывал. Да, откуда там столько набежало вязать нас, ночь же была?

ВАСЕК. Федька Ковалев женился в это время, всей свадьбой и прибежали. А он в милиции работает.

КЕША. Повезло менту. И бабу заимел и за нас медаль отхватит. Ну, все, вот-вот приехать могут. Тарабаним и как только она зайдет, сразу ей в лоб факты. Говорила? Говорила! Выбирай! Или даем показания и тебя привлекают как подстрекательницу, или вертись как хочешь, хоть со всей милицией хором, а дело замни. Так что...

НИКОЛАЙ (*идет на Кешу.*) Чего? Чего ты про нее говоришь? Чего хочешь делать?

ВАСЕК (*виснет на нем.*) Колян, Колян, стой, подожди. Погоди, Колька, ты же еще не знаешь ничего, дай я сам, а ты не лезь, пока, не лезь.

КЕША. Да ты что, Никола? Только что кричал в огонь и воду, а чуть до дела не дошло... Васек, чего ты его держишь, неужели он на меня, на Кента своего руку поднимет?

ВАСЕК. Веселый, ну пойми, нам-то с тобой теперь все равно, а ему, видел же деваха какая. А то мне все в деревне скажут, что затащил его. Сам скажут сел и его за собой. Веселый, ну будь человеком.

КЕША. Слушай, Васек, я в натуре ничего понять не могу. Я тебе все обмозговал, все прикинул, раскладка – лучше не придумаешь, а ты... Я вообще понять не могу: чего вы добиваетесь?

НИКОЛАЙ. Это ты сам чего хочешь сделать?

ВАСЕК. Колька, помолчи пока, помолчи, отойди лучше. Слушай, Веселый, давай отмажем, ты же видел – баба сама приходила. Слышал же

что Кузьмич говорил. И так ни матери, ни сестре житья не будет, а если еще его посажу... Давай отмажем, Веселый?

КЕША. Васек, я серьезно не могу врубиться. Тот ладно, но ты-то? Ты-то должен понимать чего мне предлагаешь. Я, значит, твоего недоумка должен выпустить, а сам за него садиться? Ладно, сяду. А в зоне у меня спросят: «А какой у тебя за это был навар?» А я им что скажу? Никакого, за просто так? Но ты сам знаешь, за кого меня после этого считать будут? После этого, я стану шизиком, и кто после этого будет иметь со мной дело?

ВАСЕК. Ну я тебя прошу, Веселый, ну будь... Я все на себя буду брать и тебя отмазывать, ну Веселый!

КЕША. Ладно, допустим, ты просишь. А что мне за это будет? Что ты мне можешь дать? Шестерить будешь? Так ты и так, без этого никуда не денешься. А еще что?

ВАСЕК. По-человечески тебя прошу, Веселый.

КЕША. Слушай, ты, завклуб занюханый, этот еще может не понимать, а ты-то...! По-человечески ты меня вчера мог просить, и я может бы и сделал чего-то. Но сейчас мы залетели, все! А значит, живем по-другому закону, и ты этот закон знаешь, так чего скулишь? У нас был шанс, была возможность стать человеком. Не сумели – все, лавочка закрылась. А уж по дурости или по пьяни – это теперь никого не касается, не сумели и все. И пожалуйста на нары со всеми удобствами! А раз мы здесь, то разными там: «пожалей», «прошу», «по-человечески» - ты меня больше не смей, понял? Тут нам теперь и без этого смешно будет. Ну?

НИКОЛАЙ (*идет на Кешу*). Чего ты хочешь сделать? Чего он хочет сделать с Тонькой?

ВАСЕК (*повисает на нем*). Колька, ну отойди, прошу тебя. Колька, я сам все договорюсь, ты только не лезь.

КЕША. Васек, ну зачем ты держишь, Васек! Чем раньше он поймет куда попал – тем для него лучше. Пусть подойдет ко мне, и я все ему объясню, спокойно, вдумчиво. Он потом сам весь срок меня благодарить

будет. А ну, Завклуб, кому я сказал? *(Васек отступает от Николая.)* Вот так-то, а мы с Николаем как старые корифаны побеседуем.

НИКОЛАЙ. *(подходит).* Чего ты?

КЕША. Это ты чего! Я спокойно, хочу тебе объяснить, что ты... *(Резко бьет его ногой в живот.)* Падаль! *(Методично бьет с каждой фразой.)* Ты думал, придешь в зону, а там кенты, последним поделаться? А там тебя первым делом вот так! Вот так!

ВАСЕК. Веселый, но он же еще ничего не знает.

КЕША. А ты хочешь, чтоб он узнал от других? *(Николай приподнимается, кидается на Кешу, но сбитый точным ударом ноги в грудь, падает.)* О, шустрый у тебя корифан, еще и этап не прошел, а уже шустрит, молодец! Объясняй ему, Васек, объясняй. Объясни, что вокруг его тоже будет падаль, и если какая посильней тоже будет его пинать. Но, если он будет слушать меня как ты, я иногда не дам его пнуть лишний раз.

ВАСЕК. Колька, ты слушай его, если мы сюда попали, теперь все равно ничего не сделаешь, лучше слушай его. *(Николай снова приподнимается, пытается кинуться на Кешу, но снова падает сбитый ударом ноги.)*

КЕША. Нет, Васек, до него пока не доходит. Меня он и слушать не хочет. Вот тебя как лучшего кента послушает. Ну-ка, объясни ему.

ВАСЕК. Веселый, мы же с ним вот с таких годов, мы же...

КЕША. Вот это и хорошо. Поэтому, если ты его раза два врежешь – он сразу поймет что почем и куда попал. Ну? А то нет у нас времени.

ВАСЕК *(приподнимает обтекшего Николая).* Колян, слышь, Колька, ты должен сразу его слушаться, понял?

КЕША. Да ты бей, а не базарь!

ВАСЕК. Колька, слышь... *(Бьет.)*

КЕША. Ты что-то недопонимать стал, Васек. Или воля так сильно портит? Чего ты его гладишь? Надо, чтобы он крепко почувствовал и

именно от тебя. Ну? (*Васек бьет сильнее.*) А теперь приподними его и пусть улыбнется в знак примирения и того, что он все понял. Ну?

ВАСЕК (*приподнимая Николая.*) Ну, давай, Колька, улыбнись ему, ну?

КЕША. Все еще никак не поймет?

ВАСЕК. Колька, ну улыбнись, ну? Нам же теперь вместе жить и чем скорей, тем лучше. (*Растягивает ему губы руками.*) Во, смотри, Веселый, он смеется, он все понял. Веселый, он понял!

КЕША. Ладно, полыбился и хватит. Скажешь, что он бежать пытался, а мы, побег предотвратили, из-за этого и разукрасили немного. И пусть молит бога, что... О, точно, пусть он помолится за меня. И ты помоги. Становись рядом и начинайте!

ВАСЕК (*становится на колени рядом с полубесчувственным Николаем*). Чего говорить-то, Веселый?

КЕША. Проси. У Бога проси.

ВАСЕК. Чего?

КЕША. Что, сам не знаешь? Проси, чтоб этап пройти живыми, чтоб перли поменьше и пайка доставалась понаваристей. Ну? (*Васек кричит. По движению губ Николая нельзя понять: то ли он повторяет, то ли шепчет свое.*)

ВАСЕК. Бог, Бог!

КЕША. Да жалобней, жалобней! Обратиться, мол, больше не к кому.

ВАСЕК. Нам теперь обратиться не к кому!

КЕША. Ну?

ВАСЕК. Помогите нам этап пройти! И воруют пусть поменьше, чтоб нам побольше пайка доставалась.

КЕША. И про кума.

ВАСЕК. И пошли нам кума справедливого, чтоб дубакам сильно воли не давал.

КЕША. И благодарите его, что я с вами.

ВАСЕК. И спасибо тебе, что Веселый с нами. Дай ему здоровья и долгих лет жизни.

КЕША. И что всегда будете делать то, что я прикажу. (*Васек молчит.*)
Не слышу?

ВАСЕК (*вскакивает.*) Нет, Веселый, хоть запинай, а это говорить не буду.

КЕША. Что «это»?

ВАСЕК. Что «всегда». Весь срок буду, до самого последнего дня, но только когда выйду... Должен же я когда-то выйти? Должен же хоть знать, что когда-то выйду? Если скажу «всегда», значит не выйду совсем, а мы все равно выйдем, все равно выйдем!

ЗАНАВЕС.